

Р. А. БУДАГОВ

КАТЕГОРИЯ ЗНАЧЕНИЯ В РАЗНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1

Проблема значения (семантики)¹ решается с диаметрально противоположных позиций в разных направлениях лингвистики наших дней. Для одних ученых без категории значения в лексике и грамматике не может быть и речи о лингвистической науке, другие же ученые всячески подчеркивают, что категория значения является внешней по отношению к языку, а поэтому и не имеет никаких оснований занимать какое-то положение в науке о языке. Не касаясь пока вопроса о том, что такое значение, подчеркнем исходное различие при определении места категории значения. Только что отмеченное различие не дает никаких оснований говорить о «категории значения в современной лингвистике», как это обычно делают². Можно лишь ставить вопрос о категории значения в р а з л и ч н ы х направлениях современной лингвистики. Уже тот факт, что диапазон оценок категории значения колеблется от нуля до признания ее исключительной важности, не позволяет говорить о единстве современной лингвистики. Эта последняя предстает перед нами в своих р а з л и ч н ы х направлениях, теоретически и методологически нередко совершенно противоположных и несовместимых.

Проблема резко осложняется, если учтем, что даже в тех языковедческих теориях, которые уделяют значению внимание, сама категория значения понимается настолько различно, что не позволяет говорить об однолинейном противопоставлении: «признание значения» — «непризнание значения». Приходится постоянно иметь дело с многомерным противопоставлением: признание значения с одних теоретических позиций — признание значения с других теоретических позиций и при другом понимании самого значения — сведение значения к разнообразным иным категориям (о чем дальше) — выведение значения за пределы науки о языке как категории экстралингвистической и т. д.

Подчеркну с самого начала, что в дальнейшем изложении *значение слова* я истолковываю как понятие, выраженное в данной системе языка, преломленное сквозь его призму. Что же касается собственно *понятия*, то это — мысль о предмете, выделяющая в нем общие и обычно наиболее существенные признаки. Понятие — общечеловеческая категория, хотя и зависящая от степени развития мышления разных народов. Значение слова, напротив, прежде всего категория данного языка, чаще всего существующая лишь в пределах его системы. Слово — единство значения и звучания. Столь же существенно значение и в грамматике. Здесь оно выс-

¹ В дальнейшем изложении *семантика* и *значение* употребляются как абсолютные синонимы.

² См., например, сб. «Проблемы грамматического моделирования» (М., 1973), в котором почти на каждой странице говорится о *современной лингвистике* без всякой дифференциации (в частности, на стр. 53, 56 и многих других).

тупает в более обобщенном, чем в слове, виде, в категориальной форме. Это позволяет нам говорить о значении различных грамматических категорий, об их смысловых функциях в словосочетаниях и предложениях.

Чтобы разобраться в основных разногласиях в истолковании категории значения, необходимо проанализировать такие языковые материалы, которые на первых порах могут показаться элементарными. Между тем, опираясь именно на такие материалы и не уходя в область более сложных отношений, можно показать, в чём и как обнаруживаются основные теоретические расхождения в недрах разных направлений современной лингвистики. Подобные расхождения выступают наиболее отчетливо при осмыслении прежде всего повседневного языкового материала.

В истории русского и советского языкознания категория значения в лексике и грамматике всегда была в центре внимания исследователей. Стоит только вспомнить разыскания Буслаева, Потебни, Крушевского, Богородицкого, Шахматова, Корша, Щербы, Виноградова, Пешковского, Покровского, Винокура и многих других, чтобы убедиться в этом. Лишь у Фортунатова и некоторых его последователей категория значения как бы временно была отодвинута на задний план. Фортунатову казалось, что пристальный интерес к «формам языка» в широком смысле неизбежно вызывает ослабление внимания к его содержательным категориям. Впоследствии этот же довод — на мой взгляд, несостоятельный — станет встречаться и у других сторонников чисто формального изучения языка. И все же до шестидесятых годов нашего столетия большой и постоянный интерес к содержательным категориям языка (и в лексике и в грамматике) был всегда характерен для русской и советской лингвистической традиции.

В этом нетрудно убедиться. Стоит лишь обратиться к соответствующим фактам. В своем замечательном «Синтаксисе русского языка», впервые изданном уже посмертно в 1925 г., А. А. Шахматов подчеркивал, что синтаксис любого языка может плодотворно анализироваться лишь при учете глубокого взаимодействия языка и мышления, предложения и суждения³. В этом же, 1925 г., А. М. Пешковский публикует статью «В чем же, наконец, сущность формальной грамматики?», в которой доказывает, что попытки отдельных лингвистов вывести категорию значения за пределы грамматики и, шире, за пределы языкознания, обрекают грамматику на гибель, на бесплодное «описательство»⁴. В 1934 г. Л. С. Выготский в книге «Мышление и речь» прямо заявляет: «Слово, лишенное значения, не есть слово. Оно есть звук пустой, следовательно значение есть необходимый, конституирующий признак самого слова»⁵. Аналогичные принципы еще более последовательно и настойчиво защищались большинством советских лингвистов в сороковые и пятидесятые годы. Как мы увидим дальше, статут семантики осложнился в некоторых направлениях советского языкознания лишь за последние десять — пятнадцать лет.

Иначе сложились отношения к семантике у американских исследователей. Не имея столь глубоких традиций в прошлом, как советские ученые, американские лингвисты нашего столетия долго рассматривали семантику как метафизический феномен, по их мнению, типичный для «философствования европейских лингвистов». Американские исследователи обнаруживали в этом плане «туманные намерения» даже у Соссюра, не отказавшегося от понятий *значения* (*le sens*) и *ценности* (*la valeur*) в лингвистике. В 1963 г.

³ См. об этом, в частности: Е. С. Истрина. Вопросы учения о предложении по материалам архива А. А. Шахматова, сб. «Академик А. А. Шахматов», М.—Л., 1947, стр. 317 и сл.

⁴ А. М. Пешковский, Сборник статей, М.—Л., 1925, стр. 5.

⁵ Л. С. Выготский, Мышление и речь, М.—Л., 1934, стр. 262.

американский ученый У. Вейнрейх так и писал, что понятие *значения* мучило лингвистов свыше ста лет, со времен А. Шлейхера, и что избавиться от этих мучений можно лишь одним способом — объявить полную автономность семантических и грамматических категорий в науке о языке⁶. Еще категоричнее оказывается Н. Хомский. В своих «Синтаксических структурах» он заявляет: «Много сил потрачено на то, чтобы ответить на вопрос: „Как построить грамматику, не обращаясь к значению?...“». С тем же правом можно спросить: „Как построить грамматику, не зная ничего о цвете волос говорящих?“⁷.

В 1964 г. один из советских лингвистов в предисловии к «Словарю американской лингвистической терминологии» Э. Хэмпса, отмечая отсутствие в словаре каких бы то ни было семантических терминов, подчеркивал «национальное отвращение к семантике» у большинства заокеанских языковедов. Вместе с тем автору предисловия казалось, что в наше время положение семантики меняется: интерес к ней рождается и у американских исследователей⁸. Можно утверждать, что у большинства советских лингвистов мы обнаруживаем пристальный интерес к семантике, в то время как у большинства американских исследователей этот интерес не самоочевиден: проблемы семантики нередко оцениваются ими иронически, как проблемы метафизические, экстралингвистические, как проблемы, сама постановка которых мешает формализации языка, формализации приемов его изучения.

Как только что было подчеркнуто, «соотношение сил» несколько изменилось за последние десять — пятнадцать лет. И среди советских лингвистов появились защитники тезиса, согласно которому категория значения является внешней по отношению к языку. Даже в лексике семантика стала объявляться нелингвистическим понятием.

«Отрицать у слов значение, — пишет, например, А. А. Реформатский, — никто не собирается, и в очень многих случаях этим и должен заниматься ученый. Но какой ученый? Кто по специальности? Вряд ли лингвист, если лингвист изучает язык как систему и структуру»⁹. Здесь совершенно прямо и недвусмысленно понятие *значения* противопоставляется понятию *системы* (структуры): либо значение, тогда нет системы, либо система, тогда не может быть значения. Пусть значением занимаются другие ученые (нелингвисты). Против этого автор не возражает. Лингвисты же, обязанные рассматривать язык как систему, тем самым лишают себя возможности заниматься проблемой значения. Такова логика рассуждений А. А. Реформатского.

Как это ни странно, анализируемая доктрина, полностью исключая семантику и семасиологию из науки о языке, была достаточно популярна в шестидесятых годах среди некоторой части советских лингвистов¹⁰. Эта же доктрина находит сторонников и в наши дни. Так, например, Д. Н. Шмелев, приводя только что цитированные слова А. А. Реформатского, замечает: «... при всей привлекательности идеи (? — Р. Б.) о не-

⁶ У. Вейнрейх, О семантической структуре языка, сб. «Новое в лингвистике», V, М., 1970, стр. 197.

⁷ Сб. «Новое в лингвистике», II, М., 1962, стр. 505. Здесь обнаруживается постоянное стремление Н. Хомского, к сожалению, характерное и для некоторых других лингвистов наших дней, выражать свои мысли с помощью парадоксов. Но парадоксы весьма редко продвигают науку вперед.

⁸ Э. Хэмпс, Словарь американской лингвистической терминологии, М., 1964, стр. 7.

⁹ См.: А. А. Реформатский, Термин как член лексической системы языка, сб. «Проблемы структурной лингвистики. 1967», М., 1968, стр. 114.

¹⁰ Ср., например: «значение — категория неязыковая по своей природе» (А. А. Волков, Язык как система знаков, М., 1966, стр. 61).

которой освобожденной от значения „сетки значимостей“ неясно, как можно изучать номинативные единицы, как таковые, игнорируя их номинативную функцию»¹¹. Здесь тот же вопрос ставится уже более «хитро». Как и А. А. Реформатский, Д. Н. Шмелев убежден, что «освобождение от значения» в семасиологии весьма желательно («привлекательная идея»). Весь вопрос, однако, по мнению автора, сводится к тому, что осуществить подобное освобождение трудно: факты мешают операции освобождения лексикой от значений. Как одному, так и другому исследователю кажется, что идеалу строгого анализа в лексике соответствует принцип «без значения». Различие между ними лишь в том, что в первом случае перевод подобного принципа из сферы теории в сферу практики представляется легко осуществимым, а во втором — трудно осуществимым. Признание подобной трудности дорого обходится ученому: ему приходится ввести в науку новый термин — *значимость*, при этом никак не разъясняя различия между *значением* и *значимостью* в пределах лексики.

Последовательное развитие тезиса Д. Н. Шмелева неизбежно привело бы к необходимости отказаться от мысли написать книгу под названием «Проблемы семантического анализа лексики». В самом деле. Уже само название должно убедить читателя: либо книга написана против «привлекательной идеи» об освобождении слова от его же значения, либо такого рода «освобождение» — это всего лишь фраза, дань странной моде, согласно которой строгость формального анализа в лексике будто бы несовместима с признанием важнейшей роли категории значения в той же лексике, а следовательно, и в науке о лексике, в семасиологии.

В истории языкознания подобная попытка — исключить категорию значения из лексики и грамматики — делалась неоднократно. Известны такого рода эксперименты в разное время, особенно в двадцатые годы нашего столетия. Так, в 1927 г. Г. Шпет в своей книге «Внутренняя форма слова», иронизируя над проблемой взаимодействия формы и содержания, утверждал: «... чтобы найти содержание языковой формы, надо выйти за границы языка»¹². Вся беда, однако, в том, что книга Г. Шпета имела подзаголовок — «Этюды и вариации на темы Гумбольдта». Между тем известно, что вся философия языка выдающегося мыслителя В. Гумбольдта стремилась проникнуть в содержательные (смысловые) категории языка. Поэтому и неудивительно, что, противореча своему же утверждению, Г. Шпет в этой же книге защищал и прямо противоположный тезис: «...понятие так мало может быть отрешено от слова, как человек от своей физиономии»¹³. Получалось, будто бы слово, минуя свое значение, вместе с тем неразрывно «прикреплено» к понятию (человек и его физиономия). Пренебрежение к значению жестоко мстило за само это пренебрежение: исследователь стал смешивать ряд языковых явлений и ряд явлений понятийного характера.

¹¹ Д. Н. Ш м е л е в, Проблемы семантического анализа лексики, М., 1973, стр. 16. Аналогичная постановка вопроса в очень странной брошюре: А. А. В е т р о в, Методологические проблемы современной лингвистики, М., 1973, стр. 39—41. Здесь почти на каждой странице находим утверждения, с лингвистической точки зрения невозможные. Например: «Есть основания полагать, что именно синонимия и омонимия представляют собой главные препятствия на пути формальных исследований. Но синонимия и омонимия свойственны не всем языкам» (стр. 38—39). Как это так — «не всем языкам»? Автор и не подозревает, что он защищает концепцию, весьма неблагоприятную для сторонников «полной формализации языка»: чем богаче язык (синонимы), чем он сложнее (омонимы), тем труднее он поддается формализации. Но языки в процессе развития и совершенствования действительно становятся все богаче и все сложнее. Тем самым они «уходят» от возможности формализации в том ее понимании, которое защищает А. А. Ветров.

¹² Г. Ш п е т, Внутренняя форма слова, М., 1927, стр. 14.

¹³ Там же, стр. 25.

Мы видим, таким образом, что противник у категории значения вполне реальный. Он существовал раньше, он существует и теперь. В наше время подобный противник обычно осторожнее формулирует свои возражения против категории значения, чем он это делал в прошлом. Чаще всего отрицается значение не «вообще», а значение как объект лингвистического изучения, причем само отрицание проводится под флагом защиты специфики языка. Самому значению от этого, разумеется, не легче: в обоих случаях оно оказывается за бортом науки о языке.

2

Противники категории значения обычно любят ссылаться на практику. Они рассуждают примерно так: практика изучения системы в лексике показывает, что без категории значения подобную систему понять легче, она предстает как более стройная и непротиворечивая, чем в тех случаях, при которых категория значения (прихотливая, противоречивая и будто бы субъективная) учитывается. Но ссылки на практику здесь бьют мимо цели. Серьезные практики-лексикологи и практики-лексикографы чаще всего приводят прямо противоположные доводы. Они подчеркивают, что без категории значения ничего нельзя понять ни в лексикологии, ни в лексикографии.

Приведу здесь лишь два весьма авторитетных свидетельства. Проработав свыше двенадцати лет над «Этимологическим словарем русского языка», М. Фасмер позднее подчеркивал: «Если бы мне пришлось начать работу снова, я уделил бы больше внимания... семасиологической стороне»¹⁴. Другой, не менее известный лингвист В. Вартбург, обобщая более чем сорокалетний опыт своей работы над капитальным, многотомным этимологическим словарем французского языка, пишет: «У будущих поколений вызовет улыбку пренебрежение семантикой и всесторонней жизнью слова, характерное для некоторых направлений современной лингвистики, точно так же, как теперь у нас вызывает улыбку та наивность, с которой в XVII столетии Менаж оперировал фонетическими соответствиями»¹⁵.

Подобные свидетельства доказывают, что ссылки на практику у анти-семантиков несостоятельны. Действительно серьезная практика требует как раз противоположного — всестороннего учета значений слов в процессе работы не только над лексикографией, но и над лексикологией. То, о чем писали Фасмер и Вартбург применительно к этимологическим словарям, в такой же степени относится, в частности, и к словарям толковым, где классификация, группировка и истолкование современных значений каждого слова превращается в важнейшую задачу составителей самих словарей. Без этого условия никакой толковый словарь немислим в нашу эпоху. И составители больших национальных словарей подобного типа неоднократно писали об этом.

Отрыв от конкретного, собственно языкового материала естественных языков народов мира, пагубно отражается на характере рассуждений о форме и содержании у тех лингвистов, которые сами никогда не находились «в гуще» подобного материала, никогда не исследовали отдельных языков или групп языков во всей их сложной непосредственной данности. Это сейчас становится все более и более очевидным. Поэтому вполне правомерно ставят вопрос те ученые, которые подчеркивают, что в наши дни прогресс в области семантики невозможен без параллельной и кропотли-

¹⁴ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, I, М., 1964, стр. 14 («Послесловие автора»).

¹⁵ W. von Wartburg, *Problèmes et méthodes de la linguistique*, Paris, 1963, стр. 125.

вой работы над конкретным материалом различных языков человечества¹⁶. У Э. Бенвениста были все основания заявить в 1962 г. на IX Международном конгрессе лингвистов: «Соотношение формы и значения многие лингвисты хотели бы свести только к понятию формы, но им не удалось избавиться от ее коррелята — значения. Что только ни делалось, чтобы не принимать во внимание значение, избежать его и отделаться от него. Напрасные попытки — оно, как голова Медузы, всегда в центре языка, околдовывая тех, кто его созерцает»¹⁷.

Забегаю несколько вперед, замечу, что вопрос о том, входит ли значение или значения (при обычной для языка полисемии) в понятие самого слова, — это вопрос принципиально-методологического характера, исключительно важный для теоретической позиции всякого серьезного исследователя. Слово не может быть простым знаком, если значение признается его органической и важнейшей частью. Вместе с тем слово может «обернуться» знаком при условии, когда категория значения выводится за пределы самого слова. Следовательно, от решения первого вопроса зависят многие другие вопросы, играющие едва ли не главную роль в построении лингвистической теории.

В середине пятидесятых годов А. И. Смирницкий справедливо писал: «...где же область значения слова — *внутри* слова или *вне* его?»

Самый этот вопрос может показаться несколько наивным: слово — не коробочка, не орех или что-либо иное, о чем можно говорить „*внутри*“ или „*вне*“¹⁸. И все же это так, но в особом, гносеологическом смысле. Значение слова — «не просто связь звучания с обозначаемым предметом или явлением, а связь звучания с отображением предмета или явления... то, что здесь названо *отображением* предмета или явления, занимает центральное положение...»¹⁹. Как видим, интерес к внутреннему содержанию слова закономерно приводит исследователя к методологически важному заключению о слове, как средстве отображения предметов и явлений окружающего нас мира.

За последние десять — пятнадцать лет противники категории значения как категории лингвистической, стали прибегать к тактике, которая в другой связи и по другому поводу остроумно была названа одним из исследователей «тактикой упреждающего удара»²⁰. Анализируя книги Ю. М. Лотмана, в том числе его «Структуру художественного текста» (М., 1970), Ю. Я. Барабаш воспроизводит аргументацию Лотмана и его сравнения фонвизинского Митрофана с противниками абстрактного мышления и фонвизинского учителя Цыфиркина со сторонниками отвлеченного мышления. Митрофану, как известно, *дверь* могла представляться именем прилагательным («потому что она приложена к своему месту») а Цыфиркин пытался безуспешно убедить великовозрастного болвана, что это не так. Цыфиркин понимал роль простейших научных отвлечений. Митрофан же и его матушка ничего не понимали. Подобно этому, современные защитники «чистой формы» в лексике и грамматике понимают функцию отвлечений и обобщений, тогда как сторонники смысловых «наполнений» в той же лексике и в той же грамматике этого не понимают. И хотя сам Ю. М. Лотман подобное сравнение ограничивает рамками поэ-

¹⁶ G. M o u n i n, Clefs pour la sémantique, Paris, 1972, стр. 160.

¹⁷ Сб. «Новое в лингвистике», VI, М., 1965, стр. 443.

¹⁸ А. И. С м и р н и ц к и й, Значение слова, ВЯ, 1955, 2, стр. 81—82 (курсив мой. — Р. Б.).

¹⁹ Там же, стр. 83.

²⁰ Ю. Я. Б а р а б а ш, Вопросы эстетики и поэтики, М., 1973, стр. 236—237 (хотелось бы выделить последнюю главу этой книги «Этот неотступный Сальери», написанную ярко и убедительно).

тики (сторонники и противники «чисто структурного» изучения художественных произведений), *mutatis mutandis* сказанное можно распространить на лексику, и на грамматику. Смотрите, мол, защитники семантики, вот кто ваши предшественники и единомышленники: не Цыфиркины, а Митрофанушки!

Сейчас я постараюсь показать, что «тактика упреждающего удара» широко применяется представителями одного из направлений лингвистики наших дней.

«...характеристика лингвистических единиц,— пишет С. К. Шаумян,— как пучков отношений, не дает никакого повода утверждать, что „материя исчезла, остались одни отношения“. В самом деле, отношения принадлежат к объективной реальности не меньше, чем другие свойства материи, и занимаясь изучением элементов языка, как пучков отношений, мы занимаемся тем самым изучением определенных сторон объективной реальности, то есть изучением определенных сторон материи»²¹. Обратим внимание на аргументацию автора. Он снимает проблему взаимодействия материи и отношений, в которых находится данная материя (в нашем случае — материя конкретных языков). По мнению автора, сами отношения одновременно и составляют материю языка. Не замечая своей же непоследовательности, исследователь, с одной стороны, отождествляет материю и отношения, в которых находится эта материя, а с другой,— как будто бы признает у материи наличие других свойств, помимо свойств, передающих отношения («...другие свойства материи»). Отношения и есть объективная реальность, отношения и есть материя. Материя не исчезла, ибо она выступает в самих отношениях. Такова концепция автора.

По моему глубокому убеждению, речь идет здесь о релятивистической концепции языка. Эта концепция имеет многих сторонников и в зарубежной науке и среди небольшой части советских лингвистов. Еще в 1957 г. можно было прочесть: «В плане чисто лингвистическом значение слова определяется его потенциально возможными сочетаниями с другими словами, которые составляют так называемую лексическую валентность слова»²². Получается, что значение слова — это лишь его отношение к другим словам. Субстанция слова не выявляется. Значение и отношения отождествляются. Тем самым снимается проблема взаимодействия значений и отношений, в системе которых бытует каждое данное значение.

Эта концепция, разумеется, не нова. Еще в 1943 г. датский лингвист Л. Ельмслев в своих «Прологоменах к теории языка» заявлял: «Признание того факта, что целое состоит не из вещей, но из их отношений и что не субстанция, но только ее внутренние и внешние отношения имеют научное существование, конечно, не является новым в науке, но может оказаться новым в лингвистике»²³. Здесь прямо переносится старая релятивистическая концепция из философии в лингвистику.

Между тем марксисты уже давно доказали, что субстанция и отношения — это разные понятия, которые недопустимо ни смешивать, ни отождествлять. К. Маркс в первой же главе первого тома «Капитала», на основе анализа огромного фактического материала, показал и доказал, что «...свойства данной вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении»²⁴. Эта классическая по своей ясности и точности формулировка имеет большое методологическое значение и целиком подтверждается материалом языков народов мира.

²¹ С. К. Шаумян, Философские вопросы теоретической лингвистики, М., 1971, стр. 150.

²² В. А. Звегинцев, Семасиология, М., 1957, стр. 123.

²³ См. сб. «Новое в лингвистике», I, М., 1960, стр. 283.

²⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 23, 1960, стр. 67.

Многозначность слова, например, типичная для любого естественного языка, обнаруживает себя во всей своей функциональной подвижности во взаимодействии с другими словами и словосочетаниями одного и того же языка. Вместе с тем полисемия слова существует и вполне объективно, как свойство самой лексической «материи», независимо от тех или иных отношений, в которых оказывается эта материя. Полифункциональность категории падежа или категории времени (грамматическая полисемия), свойственная языку объективно, проявляет всю свою силу во взаимодействии с другими грамматическими категориями, во взаимодействии с контекстом в широком смысле. Поэтому отношения иногда способны создавать видимость того, что они сами являются субстанцией. Но это только видимость. Способствуя выявлению многоаспектных свойств субстанции, отношения как бы перетягивают на себя часть свойств самой субстанции. И все же это только «как бы». Всякий серьезный исследователь, имеющий дело с конкретным материалом разных языков, не имеет права смешивать то, что в самом языке никогда не смешивается. Поэтому ученые-материалисты имеют все права для обобщения: свойства любой вещи существуют вполне объективно.

3

В наше время многие исследователи настойчиво подчеркивают, что «релятивизация понятия о значении» является достижением науки XX столетия. В прошлом веке категорию значения рассматривали как категорию всегда абсолютную и не понимали всей ее сложности²⁵. С этим утверждением можно было бы согласиться, но с неперенными двумя оговорками. Во-первых, классики марксизма уже в прошлом столетии прекрасно понимали сложность и многоаспектность категории значения. Во-вторых, из признания самого факта известной относительности значения можно сделать два противоположных, взаимно исключающих друг друга вывода: вывод несостоятельный, согласно которому релятивизация понятия о значении исключает объективность существования самого значения, и вывод обоснованный, фактически подтверждаемый материалом всех языков, согласно которому известная и частичная релятивизация категории значения нисколько не препятствует ее же совершенно объективному бытованию в языках народов мира. Таковы два, взаимно исключающих друг друга, вывода, следующие из признания несомненного факта частичной релятивизации значения.

Гиперболическая релятивизация категории значения несостоятельна не только теоретически, но и практически. Стоит только согласиться с подобного рода релятивизацией, так сейчас же последуют заключения еще более общего характера. По мнению, например, Н. Хомского, проблема взаимодействия субстанции и формы в языке и языкознании — это схоластическая проблема, так как сама субстанция представляется автору неуловимой²⁶. Между тем не подлежит никакому сомнению, что именно эта проблема, как и проблема взаимодействия категорий значения и отношения, принадлежит к центральным проблемам теоретической лингвистики.

За последние десять — пятнадцать лет категория значения обычно отрицается, однако, не так прямо, а завуалированно, как бы стыдливо, с некоторыми оговорками. Имеется множество способов подобного завуалированного отрицания категории значения. Рассмотрим некоторые из них.

²⁵ Ср., например: С. Д. К а ц н е л ь с о н, Содержание слова, значение и обозначение, М.—Л., 1965, стр. 89.

²⁶ Н. Х о м с к и й, Язык и мышление, М., 1972, стр. 17.

С одним из таких способов отрицания мы только что познакомились: отношения в языке будто бы и составляют сумму его значений. Второй способ аналогичного рассуждения: никто, дескать, не отрицает категорию значения, так как в языке все принадлежит области значения²⁷. Как это ни странно с первого взгляда, от такого чрезмерного расширения сферы распространения категории значения сама эта категория становится совершенно неясной. Если в языке «все значение» (заклучение, идущее в разрез с материалом любого языка), то как же это «все» передается в языке? Не говорю уже о том, что такая постановка вопроса точно так же снимает проблему в а и м о д е й с т в и я содержания и формы, значения и отношения, как и прямое отрицание значения. Я бы назвал подобный прием отрицанием категории значения с черного хода.

Прямое или косвенное отрицание значения, еще часто встречавшееся в шестидесятых годах, теперь уже перестало пользоваться кредитом у большинства советских лингвистов. Сейчас, в наши дни, обнаруживается стремление установить специфику чисто лингвистической категории значения в отличие от значения как категории философской, логической, психологической и т. д.

«...настало время отграничения лингвистической семантики от семантики отражения, т. е. области, входящей в ведение философии, логики, психологии и т. п. Совокупность объектов лингвистической семантики — слова каждого конкретного языка и их сочетания с номинативным значением, рассмотренные с содержательной стороны. Семантика отражения должна заниматься, по нашему мнению, возможностью отражения в сознании особенностей реального мира как основы познания, не будучи связанной данными определенных языков...»²⁸. Подобный тезис, как будто бы совершенно бесспорный, при более внимательном его рассмотрении не может не вызвать возражений. Перечислим их, начиная с более частных и переходя затем к замечаниям более общего характера.

Непонятно, во-первых, почему лингвистическая семантика ограничивается сферой лексики (слово). Известно, что категория значения (тоже специфичная) не менее важна и в сфере морфологии, синтаксиса, фразеологии, стилистики. Разумеется, можно и должно говорить о своеобразии категории значения в каждой из этих и им подобных сфер или областей языка, но это несколько не умаляет огромной важности категории значения во всех перечисленных сферах (все они в компетенции лингвиста). Во-вторых, разграничение «лингвистической семантики» и «семантики отражения», само по себе необходимое и разумное, будет перспективным и интересным лишь в том случае, когда исследователю удастся показать формы и типы взаимодействия обеих этих разновидностей семантики. В противном случае «лингвистическая семантика», окажется замкнутой в самой себе. Останется неясным, как с помощью «лингвистической семантики» люди передают друг другу свои мысли и чувства, как они выражают свое отношение к окружающему их миру. «Л и н г в и с т и ч е с к а я с е м а н т и к а» б е з о п о р ы н а «с е м а н т и к у о т р а ж е н и я» п р е д с т а н е т м е р т в о р о ж д е н н о й. В-третьих, наконец, «чем более отвлеченным и общим является понятие, тем меньшую роль играют сопровождающие его конкретные предметные чувственные образы и тем большее значение приобретает для него чувственная форма слова... по

²⁷ W. S c h m i d, Poetische Sprache in formalistischer Sicht, «Zeitschrift für französische Sprache und Literatur», Wiesbaden, 1973, 3, стр. 260—270. «Вся грамматика — это силовая область значений», — писал еще в 1917 г. Г. Шухардт («Schuchardt — Brevier», Halle, 1928, стр. 135).

²⁸ Н. А. С л ю с а р е в а, Проблемы лингвистической семантики, ВЯ, 1973, 5, стр. 15.

мере возрастания обобщенности понятий связь между понятием и словом становится все более тесной, а для абстрактных понятий, непосредственно не связанных ни с какими наглядными образами вещей, слова оказываются единственной формой существования понятий, их осознания, их жизни и функционирования»²⁹.

В этом свете становится очевидным, что попытка представить себе «семантику отражения» вне всякой зависимости от конкретных естественных языков наталкивается на серьезные препятствия гносеологического характера. Самый принцип нерасторжимой связи языка и мышления выступает против построения «семантики отражения» вне всякой зависимости от конкретных языков, от их «материи» (терминология разных наук, номинация понятий и категорий и т. д.). Понятие «лингвистическая семантика» приобретает силу своим стремлением установить специфику семантики языка, но это же понятие оказывается слабым своими же последствиями: оно отгораживает язык от реального мира, в котором живет человек и который он не может воспринимать иначе, как сквозь призму прежде всего своего родного языка.

То, что с помощью аналогичных разделений исследователи вольно или невольно отделяют язык от функций, которые он же выполняет и обязан выполнять в обществе, не подлежит сомнению. Совсем недавно можно было прочитать на страницах журнала «Вопросы языкознания»: «...передать информацию непосредственно о действительности при помощи языка нельзя»³⁰. Сейчас же возникает вопрос: то есть как нельзя? Каким же способом можно это сделать? Неужели не язык, а что-то другое, служит подобной важнейшей цели? Концепция автора становится яснее по мере того, как он начинает утверждать, что с позиции лингвиста «одинаково истинны» и предложение *Волга впадает в Каспийское море* и предложение *Волга впадает в Индийский океан*³¹. И все это оправдывается разделением: предсемантики (она изучает идеальные референты) и семантики (она изучает собственно языковые референты).

Вновь мы убеждаемся, что разделение семантики на два типа (какими бы терминами подобное разделение ни обозначалось) до сих пор способствует не столько уяснению специфики собственно лингвистической семантики, сколько отделению и удалению самого языка от тех функций, которые он выполняет в обществе. Два предложения с существительным *Волга* никак нельзя признать «одинаково истинными», даже если прилагательное *истинный* здесь берется в кавычки. Предложение *Волга впадает в Индийский океан* могут признать «истинным» лишь те лингвисты, которых язык интересует прежде всего тем, что он без костей и поэтому все терпит. Вопрос этот гораздо сложнее, чем это представляется автору приведенных примеров. Недаром один из самых крупных русских лингвистов XX в. Л. В. Щерба считал, что проблема понимания — это одна из центральных проблем науки о языке³². В только что приведенном предложении понимание выступает лишь со знаком минус, как проблема нелингвистическая.

²⁹ Л. О. Резников, Понятие и слово, Л., 1958, стр. 18—19. См. также его же «Гносеологические вопросы семиотики», Л., 1964, главы вторая и третья.

³⁰ И. Ф. Вардиль, Об изучении семантического аспекта языка, ВЯ, 1973, 6, стр. 15.

³¹ Там же, стр. 20.

³² Л. В. Щерба, О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, «Изв. АН СССР». VII серия. Отд. общественных наук, 1931, стр. 115 (приходится сожалеть, что это блестящее исследование никогда у нас не переиздавалось). См. также Б. А. Ларин, Значение работ академика Л. В. Щербы в русском языкознании, «Диалектологический сборник», 3, Вологда, 1946, стр. 77—86.

Сказанное отнюдь не означает, что язык будто бы приравнивается к идеологии. С помощью языка люди добиваются понимания между всеми членами общества, в том числе и между представителями разных идеологий. Язык тем самым объединяет всех людей, говорящих на нем, тогда как идеология выступает как классовая категория в классовом обществе. В лингвистике проблема понимания выступает в другом аспекте, чем в истории и теории общественного сознания. Но и в лингвистике проблема понимания — важнейшая проблема. Именно поэтому язык и является средством общения между людьми, средством выражения их мыслей и чувств.

Знаменитый пример Л. В. Щербы с *глокой куздрой* призван был показать не бессмысленность сочетаний, а роль грамматических абстракций в языке. Хотя лексически подобное словосочетание или «предложение» ничего не означает, но лингвист в состоянии показать, что *глокая* по отношению к *куздре* может, например, выполнять роль прилагательного, которое в свою очередь может быть согласовано в роде и числе с той же *куздрой*, способной выступить в функции существительного. Здесь речь идет о вполне содержательных грамматических категориях — о частях речи, о категориях рода и числа. Примеры подобного рода великолепно обнаруживают содержательную функцию грамматических категорий и одновременно подчеркивают специфику грамматического значения в отличие от значения лексического.

К этим положениям, которые всегда были близки русским и советским филологам, совсем недавно присоединился президент американского лингвистического общества Д. Болинджер. В статье с необычным названием «Истина — это лингвистическая проблема»³³ он развивает такие положения: в процессе общения люди стремятся понять друг друга, поэтому понимание — центральная проблема лингвистики. Обычно люди хотят сообщить друг другу свои мысли и чувства, наблюдения и суждения. Когда же они сообщают неправду или полуправду, то лингвисты обязаны всякий раз устанавливать, какими языковыми средствами говорящие при этом пользуются. С этих позиций не только логик или философ обязан констатировать ложность предложений типа *Волга впадает в Индийский океан*. Анализом подобной «ложности» должен со своих позиций интересоваться и лингвист, для которого понимание — центральная проблема его же науки. Весьма симптоматично, что статья Болинджера опубликована в 1973 г. в виде обращения президента Лингвистического общества ко всем его членам.

Как видим, Болинджер в наши дни приходит к заключению (понимание — центральная проблема лингвистики), которое еще в тридцатые годы было очевидно для Л. В. Щербы и некоторых других советских лингвистов.

Возвращаясь к типам и разновидностям семантики, заметим, что разделение семантики на две семантики — «обычную» и имманентную — проводят и некоторые литературоведы, в частности, Ю. М. Лотман. Исследователь приводит в общем ту же мотивировку разделения семантики на семантику двух типов, которая встречается и в работах лингвистов. *Обычная семантика* существенна для философии и жизни, *имманентная же семантика* обнаруживает свою силу лишь в рамках большого художественного произведения³⁴. У Руссо, например, понятие *человек* по закону имманентной семантики соотносится с другими понятиями, встречающимися у того же автора (*народ, власть, разум*). При ближайшем рассмотрении, однако, оказывается, что подобная имманентная семантика Руссо

³³ D. Bolinger, Truth is a linguistic question, «Language», 3, 1973.

³⁴ Ю. М. Лотман, Структура художественного текста, М., 1970, стр. 53 и сл.

может быть правильно осмыслена лишь на фоне отнюдь уже не имманентной семантики: на фоне значений тех же слов в общенародном языке эпохи Руссо.

Нечто подобное происходит и в языке. «Чисто лингвистическая семантика» слов типа *человек, народ, разум* и многих других может быть до конца правильно понята лишь в том случае, если мы учтем, как передаются с их помощью те или иные общие понятия, как будто бы уже относимые не к «лингвистической семантике», а к «семантике отражения». Недаром во всех хороших больших толковых словарях различных национальных языков составители так и поступают: все слова абстрактного значения разъясняются в плане обоих этих типов семантики («лингвистической семантики» и «семантики отражения»).

Все сказанное отнюдь не означает, что разграничение таких понятий, как «лингвистическое значение» и «нелингвистическая значимость», невозможно³⁵. Разграничение возможно и желательно. Лингвистика не может и не должна с помощью своей категории значения (точнее — своих категорий значений) поглощать категории значений, которыми оперируют не только все другие науки, но и сама жизнь. Вопрос, однако, сводится к тому, как проводить подобное разделение и в какой степени следует учитывать взаимодействие лингвистического и нелингвистического значений. На мой взгляд, бесспорной остается сама необходимость постоянно учитывать отмеченное взаимодействие. Иначе нельзя понять, почему, например, лингвист не может составить словарь химических или ботанических терминов без соответствующих консультаций с химиками или ботаниками, без соответствующих познаний в каждой из специальных дисциплин. Об общих толковых словарях я уже и не говорю.

Спорным остается вопрос о степени подобного взаимодействия, о том, как следует понимать роль языка в развитии и общих знаний, и тех или иных специальных знаний.

В литературоведении и в поэтике проводились сходные с лингвистикой опыты сведения специфики изучаемого объекта к так называемым чистым отношениям. Содержание объявлялось внешним, посторонним для данной науки фактором. Отношения оказывались тем самым в самодовлеющем положении. Уже в 1921 г. можно было прочитать: «Шутливые, трагические, мировые, комнатные произведения, противопоставления мира миру или кошки камню — равны между собой»³⁶. Здесь умышленно в один ряд выстроены предметы и понятия, совершенно не сопоставимые по содержанию, но будто бы «сопоставимые» в неясном абстрактном плане, в плане «чистых отношений». Пример этот саморазоблачителен: он показывает, до какого произвола может дойти исследователь, исключая категорию значения из сферы своей науки. Борьба за точность при формализации подобного типа оборачивается не только неточностью, но и полным произволом.

Нечто подобное происходит и в лингвистике. Исследователь может противопоставлять, например, падежи и предлоги, ибо они соотносительны по содержанию, по функциям, которые они же выполняют в языке, но тот же исследователь не может противопоставлять открытые гласные

³⁵ См. об этом: T. De Mauro, *Senso e significato*, Bari — Roma, 1971, стр. 18—19. Ср. у некоторых американских лингвистов разграничение референтного значения (referential meaning) и дифференциального значения (differential meaning).

³⁶ В. Шкловский, Розанов. Из книги «Сюжет как явление стиля», Пг., 1921, стр. 4. Коренной пересмотр вопроса у самого автора в другой его книге: «Тетива. О несхождении сходного» (М., 1970, стр. 11 и сл.). Ср. попытки отдельных ученых наших дней сблизить литературоведение и языковедение («на семиотической основе»: D. Freundlieb, K. Müller, *Literatur und Semantik*, «Poetics», 8, 1973.

звуки и виды модальности глагола, ибо они не соотносительны в процессе функционирования языков. Противопоставление «кошки камню» лишается всякого смысла, если в самих противопоставлениях видеть не игру слов, а содержательные категории. Разумеется, язык и искусство — это разные явления, разные «феномены», но они в одинаковой степени не допускают операций с антифункциональными категориями.

В свое время Л. С. Выготский, ссылаясь на Г. Гейне, сообщал: портной Х. берет за фрак, сшитый из материала заказчика, столько же, сколько и за фрак, сшитый из материала, купленного самим портным. Он просит оплатить ему только *форму*, но не *материал*. Все остальные портные поступают, однако, иначе: о субстанции (материале) они никогда не забывают³⁷. Когда на вопрос о том, что такое «вагон-ресторан», отвечают с помощью «чистых отношений» (вагон, который обычно не помещается между двумя товарными вагонами), то определение, опирающееся на реляции, требует предварительного знания функции подобного вагона («накормить пассажиров»). Только в «свете» этой функции становится очевидным, почему неразумно искать помещение для еды между двумя товарными вагонами. Абсолютно «чистые реляции» в жизни так же невозможны, как невозможны они и в гуманитарных науках.

4

Как я уже отмечал в третьем разделе, наука XX в. показала известную релятивность значения в разных сферах человеческого знания. И это одно из несомненных достижений нашего столетия. Весь вопрос, однако, в том — подчеркнем еще раз — как понимать подобную относительность значения. Здесь вновь возникают глубокие и принципиальные расхождения между представителями разных направлений в науке. Постараюсь показать на двух-трех примерах, какие противоположные выводы в лингвистике можно сделать из принципа известной относительности категории значения³⁸.

Хорошо известно, что категория числа имен существительных в русском и других индоевропейских языках выражает прежде всего количество соответствующих предметов или явлений. Но в том же русском языке бытуют и существительные с невыраженным противопоставлением единственного и множественного чисел (*молоко, сено, горох, телятина* и пр.), слова, употребляющиеся преимущественно во множественном числе (*блинцы, гренки, ходули* и пр.) или преимущественно в единственном числе (*гордость, общность, ширь* и пр.) и другие группы, прямо не «вмещающиеся» в противопоставление единственного и множественного чисел. Из этого общеизвестного положения можно, однако, сделать два противоположных теоретических вывода. Один из них будет основываться на том, что несмотря на всевозможные исключения и осложнения (известная относительность значения), именно количественное противопоставление предметов и явлений все же остается **основным значением** категории чис-

³⁷ Л. С. Выготский, Психология искусства, М., 1968, стр. 80. В другой своей работе этот же автор писал: «Если восприятие курицы и действия математика одинаково структурны, то очевидно, что самый принцип, который не позволяет выделить различие, оказывается недостаточно расчлененным, недостаточно динамичным» (Л. С. Выготский, Предисловие к русскому переводу кн.: К. Коффка, Основы психического развития, М.—Л., 1934, стр. XLVIII).

³⁸ В совсем другой связи весьма любопытно свидетельство самого автора теории относительности. В одном из писем своему другу, физику А. Зоммерфельду, А. Эйнштейн писал: «С тех пор, как за теорию относительности принялись математики, я ее уже сам больше не понимаю» (см.: А. Зоммерфельд, Пути познания в физике, М., 1973, стр. 182).

ла имен существительных в русском языке. Второй, диаметрально противоположный вывод, обычно формулируется совсем иначе: так как количественное противопоставление имен существительных не всегда возможно, то ни о каком общем или главном значении категории числа существительных в русском языке говорить нельзя.

К сожалению, подобное отрицание главного или основного значения у той или иной грамматической категории, у того или иного отдельного слова, стало весьма популярным в работах последних лет³⁹. Я убежден, что это ошибочный вывод из несомненно правильного положения об известной релятивности (частичной релятивности) категории значения. Если бы этот вывод был справедлив, то частичная релятивность категории значения сейчас же превратилась бы в релятивность абсолютную. А от подобного заключения «рукой подать» до заключения о ненужности категории значения, как категории будто бы субъективной, ненаучной, целиком условной и целиком относительной.

Те же «операции» производятся и с лексикой: так как основные значения многозначных слов исторически подвижны, а в синхронной системе языка могут меняться в зависимости от контекста, от фразеологических сочетаний, от стиля языка и т. д., то основное (главное) значение слова объявляется фикцией, выдумкой, иллюзией и пр. Так, частичная релятивность слова превращается в релятивность абсолютную. Если бы сторонники абсолютной релятивности были правы, то всякое общение людей с помощью языка стало бы невозможным. Я з ы к и з с р е д с т в а о б щ е н и я п р е в р а т и л с я б ы в с р е д с т в о р а з о б щ е н и я. Всякое составление толковых словарей с основным (главным) значением на первом месте стало бы невозможным. И тем не менее лингвисты, сторонники понимания категории значения как абсолютно релятивной и условной категории, продолжают видеть в самом процессе выделения основных (главных) значений устаревшую концепцию языка⁴⁰.

Как видим, из проблемы частичной релятивности значения в грамматике и лексике можно сделать два диаметрально противоположных вывода: либо признать полную условность категории значения, либо понять ее сложность, подвижность, но вместе с тем ее же безусловную объективность и безусловную важность. Только вторая точка зрения представляется мне правомерной. Ее правомерность обусловлена, как я стремился показать, не только теоретически, но и практически (конкретным материалом разных языков).

В связи с проблемой значения возникает и проблема формализации. Как известно, среди лингвистов всего мира сейчас ведутся жаркие дебаты по вопросу о том, как следует понимать формализацию, каковы ее пределы, ее сильные и слабые стороны, в каких отношениях находится самый процесс формализации к признанию или непризнанию категории значения. Попытаюсь показать, что среди множества точек зрения по всем этим вопросам и здесь можно выделить две основные концепции, во многих отношениях диаметрально противоположные.

Небольшая справка из истории вопроса будет нелишней. Известно, что в двадцатых годах опыты формализации языка, как и опыты формализации поэтики, широко проводились в советской филологии. Позднее, в

³⁹ См., например, отрицание основных значений у грамматических категорий в книге: С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление (Л., 1972, стр. 74—75, стр. 145 и др.). См. также: Н. Мулуд, Современный структурализм. Размышления о методе и философии точных наук, М., 1973, стр. 314 и сл.

⁴⁰ Основным или главным значением слова можно считать такое его значение, которое контекстуально не обусловлено и которое выделяется говорящими на данном языке людьми обычно раньше других значений.

тридцатые и, особенно, в сороковые годы эти опыты не только прекратились, но и были признаны ненужными и даже вредными. С позиций поздних работ акад. Н. Я. Марра подобные опыты представлялись многим советским лингвистам невозможными. В пятидесятые годы, после лингвистической дискуссии, и затем в шестидесятые годы, как и в наше время, в связи с известными успехами структурного изучения языка, многие советские лингвисты стали отождествлять понятие формального метода с понятием передового, прогрессивного, современного метода. Стали забывать, что понятие *формального* и понятие *формалистического* метода — это совсем не одно и то же, и что второе из этих понятий несовместимо с понятием значения, о котором идет речь в настоящих строках.

Отдельные советские лингвисты стали изображать дело так, будто бы всякая критика *формалистического* метода в науке о языке неизбежно приведет к возрождению наиболее слабых сторон доктрины Н. Я. Марра (тоже тактика упреждающего удара). Между тем в некоторых направлениях европейской и американской лингвистики нашего времени ведутся острые бои вокруг самого принципа формалистического изучения языка. Находятся не только его поклонники, но и его резкие противники⁴¹. В приведенных несколько выше примерах я сделал попытку показать, как признание абсолютной релятивности категории значения неизбежно приводит исследователя к чисто формалистическому истолкованию всех категорий языка, и его лексики, и его грамматики.

Не менее важно подчеркнуть еще одно положение. Формализации не поддаются такие важнейшие явления, органически свойственные любому естественному языку человечества, как полисемия слова, широкая и глубокая синонимичность и омонимичность в лексике и грамматике, полифункциональность почти всех грамматических категорий, стилистическая многоплановость и подвижность, и многое, многое другое. Все это объявляется несущественным для языка, хотя в действительности именно эти свойства живых языков составляют их важнейшую специфику. Получается так, что сама формализация как бы требует предварительно настолько упростить язык, что от языка во всей его сложности остается лишь голая и безжизненная схема. В таких случаях формализируется уже не язык, а лишь тень языка.

Смысловая «мощь» каждого развитого языка огромна. Разумеется, для того чтобы выразить мысль такого масштаба, как *сегодня хорошая погода* или *я отлично пообедал*, языку не приходится обнаруживать свою мощь. Но все образованные люди, и в первую очередь филологи, обязаны понимать и ценить скрытые потенции языка. Эти потенции становятся реальными силами, когда человек переходит к изложению и выражению своих дум и эмоций, чаяний и стремлений, научных убеждений или эстетических переживаний. Поэтому «упрощение языка», возможное при информации типа *сегодня хорошая погода*, становится совершенно невозможным и пагубным при передаче информации других типов — многочисленных и многообразных.

Сказанное отнюдь не означает, что формализация языка вообще нежелательна или невозможна. Вопрос, однако, как мы уже знаем, в том, что формализация формализации рознь. Формализованные категории играют важную роль в разных сферах языка. Необходимо, однако, помнить, что эти же формализованные категории постоянно взаимодействуют в языке с кате-

⁴¹ Ср., например, разграничение *формального* и *формалистического* в работах известного английского семасиолога С. Ульмана («Où en sont les études de sémantique historique», X congrès de la FILLM, 1967, стр. 107) и в обзорной статье Д. Дела («Phonétique, phonologie et poétique chez R. Jakobson», «Langue française», Paris, 1973, стр. 108—119).

гориями неформализованными и что первые были бы невозможны без вторых. К тому же следует дифференцировать такие разные понятия, как формализация языка и формализация приемов исследования языка. Границы первой теснее, чем границы второй. При формализации приемов исследования языка сам язык отнюдь не обязательно должен превращаться в элементарную схему, при неограниченной формализации первого типа такая опасность реально возникает и постоянно угрожает языку.

Понятие формализации обычно отождествляют с понятием точности. Это совершенно неправомерное отождествление, что и следует из всего сказанного. Если при крайней формализации искажается природа и функции языка, то тем самым такая формализация оказывается весьма далекой от точности. В другой связи и по другому поводу А. И. Герцен писал в своих блестящих очерках «Дилетантизм в науке»: «Растягивать все сущее на одр формализма не трудно для тех, кто не внемлет никакому протесту со стороны сущего. Профаны дивятся иногда, как самые странные факты, чрезвычайные явления легко покоряются у формалистов общим законам, — дивятся — а между тем чувствуют, что при этом сделан какой-то фокус — изумительный, но неприятный... Формалистов, с грехом пополам, можно оправдать только тем, что они себя первых обманывают своими фокусами»⁴². А вот свидетельство нашего современника, одного из создателей кибернетики Н. Винера, который, выступая против односторонней формализации, отмечал «...способность мозга оперировать с нечетко очерченными понятиями»⁴³. Об этом же пишет и современный французский ученый А. Моль, подчеркивая, что определения понятий и терминов науки нашего времени «должны быть незамкнутыми и постепенными», в отличие от схоластической традиции, опиравшейся на односложные и «окончательные» дефиниции⁴⁴.

5

Попытаюсь теперь уточнить и резюмировать сказанное. «Современная лингвистика» — это сложное и совсем неоднородное понятие. Поэтому нельзя противопоставлять «современную лингвистику несовременной лингвистике», как это обычно делают. Можно лишь говорить о разных направлениях современной лингвистики в их отношении к разным направлениям лингвистики прошлого. В «современной лингвистике» отчетливо обнаруживаются два основных направления в зависимости от философской ориентации каждого из них. Несколько условно одно из них может быть названо субстанциональным и семантическим (при строгом и постоянном учете взаимодействия формы и содержания на всех уровнях самого языка и теории языка), другое — антисубстанциональным и антисемантическим. Для первого направления характерно признание объективного существования категории значения, второму направлению категория значения представляется абсолютно релятивной и необъективной. Первое направление учитывает частичную релятивность значения, второе направление частичную семантическую релятивность превращает в релятивность абсолютную.

Между этими двумя диаметрально противоположными направлениями располагаются всевозможные «промежуточные» доктрины, заимствующие те или иные положения как бы по кусочку у представителей противоположных направлений. Адептам этих «промежуточных» доктрин кажется,

⁴² А. И. Герцен, Собрание сочинений в тридцати томах, III, М., 1954, стр. 79—80.

⁴³ Н. Винер, Творец и робот, М., 1966, стр. 82.

⁴⁴ А. Моль, Социодинамика культуры, М., 1973, стр. 35—36.

что они выше «односторонних взглядов» представителей «крайних точек зрения». В действительности, и на практике и в теории, «промежуточники» чаще всего оказываются эклектиками, не имеющими своей точки зрения. И таких лингвистов-эклектиков сейчас немало в разных странах.

Разумеется, представители противоположных концепций нередко заимствуют друг у друга те или иные технические приемы исследования языка. Это закономерно. Но при этом не должна «сглаживаться» теоретическая и методологическая доктрина представителей противоположных направлений, их взгляды на природу и функции языка. Диапазон мнений о месте и роли категории значения в языке и в языкознании очень широк. Но и здесь можно выделить две противоположные концепции: от тезиса «слово без значения — пустой звук» (соответственно «грамматическая категория без значения встречается весьма редко») до «слово без значения — это подлинно лингвистическое слово» (соответственно «грамматическая категория без значения — это подлинно структурная категория»).

Совсем недавно хорошо известный западногерманский лингвист Е. Косериу заметил, что противопоставление структурного и традиционного языкознания, имевшее смысл еще в шестидесятые годы, теперь устарело ⁴⁵. В таком общем виде подобное противопоставление действительно лишено смысла. Оно не имело оснований и раньше. Речь должна идти о противопоставлении разных направлений в языкознании нашей эпохи, противопоставлении, которое отнюдь не сводится к альтернативе «учет структуры языка — неучет структуры языка». Структурный характер языка теперь очевиден для всех серьезных исследователей. Речь идет о другом — о понимании основных категорий языка, его природы и функций, речь идет о том, как истолковывается та же структура в ее взаимодействии с категорией значения. Другими словами горячий спор ведется не вокруг проблемы «признание — непризнание структуры», а в связи с осмыслением основных категорий языка, в том числе, разумеется, и категории значения ⁴⁶.

Хотя в последние годы отдельные лингвисты стремились объявить устаревшей проблему взаимодействия формы и субстанции, эта проблема, разумеется, остается важнейшей и в науке о языке наших дней. Она особенно важна для категории значения в лексике и в грамматике. Значение — органическая часть самого слова, поэтому слово не может быть только знаком. Оно в состоянии выполнять некоторые функции знака, но слово не сводится к знаку. Только в том случае, когда значение выводится за пределы слова, само слово может быть отождествлено со знаком. «Утверждать, — справедливо пишет Э. Бенвенист, — что языковой знак произволен на том основании, что в одном языке понятие *бык* передается словом *boeuf*, а в другом — словом *Ochs*, равносильно утверждению, согласному которому понятие траура „произвольно“, ибо в Европе оно символизируется черным цветом, а в Китае — белым» ⁴⁷.

В XX столетии, особенно за последние двадцать лет, в разных странах совершались неоднократные попытки представить дело так, будто бы «любая наука в известном смысле есть лишь хорошо установленная тер-

⁴⁵ E. Coseriu, Die Lage in der Linguistik, Innsbruck, 1973, стр. 5.

⁴⁶ Я уже не говорю о том, что словами *структура (система)* и *структурный (системный)* стали злоупотреблять и в «бытовой» речи. Постоянно можно слышать *структурные* подразделения (когда имеются в виду самые обычные подразделения), *структурные* объекты (нередко обычные объекты), *структура* семейных отношений (об отношении, например, детей к родителям). В таких случаях *структура* и *структурный* часто ничего не обозначают и употребляются для «высоты стиля».

⁴⁷ E. Benveniste, Nature du signe linguistique, «Problèmes de linguistique générale», Paris, 1966, стр. 51.

минология»⁴⁸. Французский структуралист М. Фуко (медик по образованию) утверждает, что весь первый том «Капитала» К. Маркса — это толкование термина *стоимость*, что «весь Ницше» сводится к трем-четырем терминам греческого происхождения и т. д.⁴⁹ Эта несостоятельная точка зрения, характерная для многочисленных представителей логического позитивизма, опирается, в частности, на неправомерную трактовку категории значения. Категория значения как объективная категория исключается из сферы науки. И тут же начинаются поиски собственных, характерных для данной науки содержательных признаков. Эти признаки отождествляются с терминами. Так возникает концепция, согласно которой любая наука — это лишь хорошо организованная терминология.

Как видим, полная изоляция внутреннего («чисто научного») значения от значения, как отражения предметов и явлений объективного мира, нередко приводит к искажению не только самой категории значения, но и специфики каждой отдельной науки. В подобных рассуждениях значение как будто бы всячески «сублимируется», а по существу же оно резко искажается. Если не учитывать постоянного и глубокого взаимодействия категории значения, характерной для данной науки, и категории значения, как общефилософской категории, то исследователю трудно избежать ошибок и заблуждений только что отмеченного методологического характера.

Поиски специфики лингвистического значения (сами по себе необходимые) не должны, однако, отделять язык от функций, которые он же призван выполнять в человеческом обществе (функция общения, функция выражения мыслей и чувств), а, наоборот, еще более приблизить язык к человеку, установить органическую связь между языком и всем сложным и многоаспектным «поведением» человека в обществе.

Я, разумеется, далек от мысли, что мне удалось широко осветить сложные вопросы, относящиеся к категории значения в науке о языке. Моя задача была несравненно скромнее. Хотелось лишь показать, что само место семантики в разных направлениях современного языкознания определяется философскими (сознательными или бессознательными) убеждениями того или иного исследователя. Без категории значения не может существовать ни один естественный язык, известный человечеству. Поэтому без этой категории и ее всестороннего истолкования не может ни существовать, ни продвигаться вперед и наука о языке.

⁴⁸ Ж. Марузо, Словарь лингвистических терминов, М., 1960, стр. 15. См. об этом же в журн. «Revue des études latines», Paris, 1927, стр. 90.

⁴⁹ М. Фуко, Les mots et les choses, Paris, 1966, стр. 311. См. также коллективный сборник: «Философия Канта и современность», М., 1974 (гл. 12: «Кант и неочевидностивистическая доктрина научного знания»).